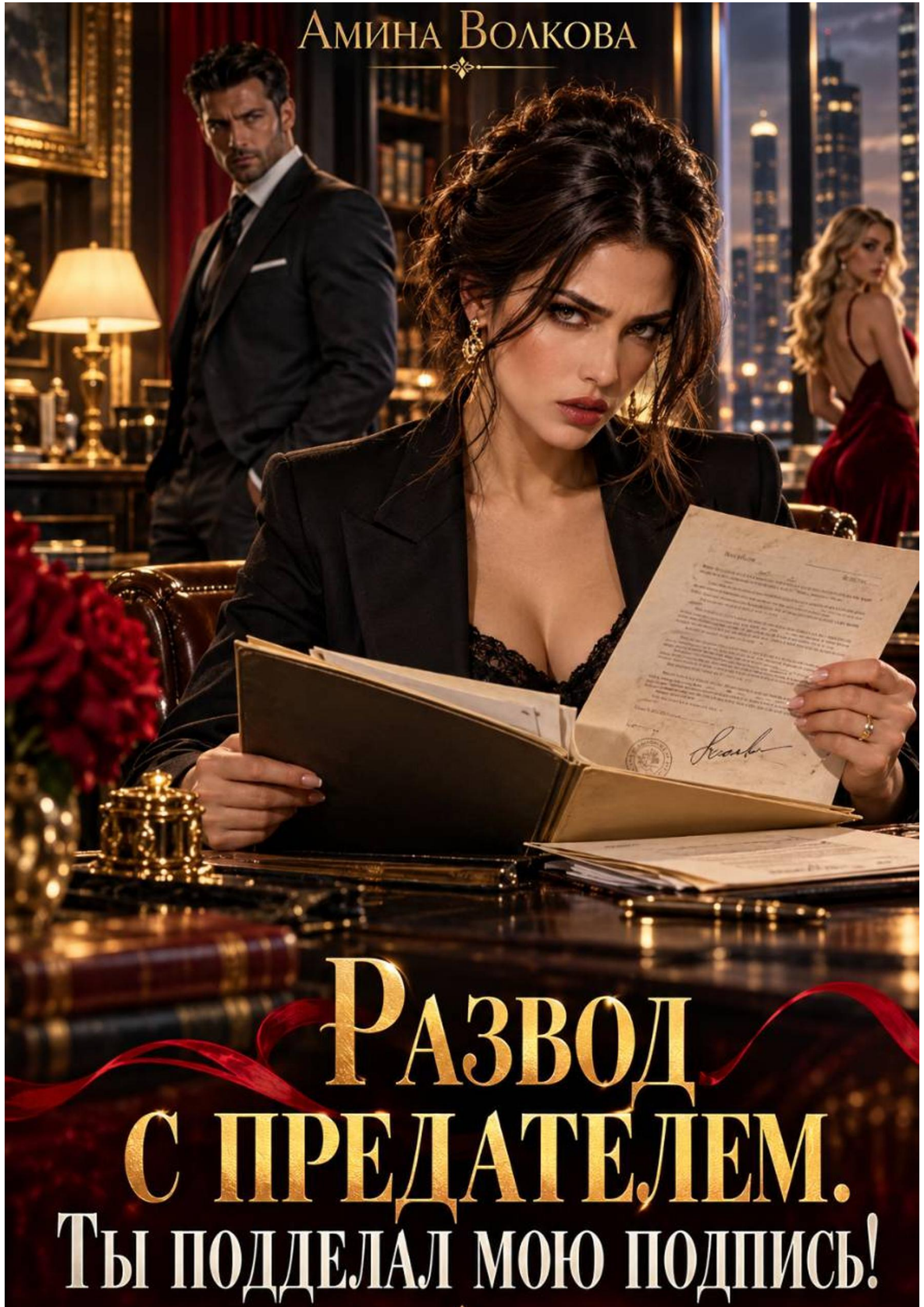

АМИНА ВОЛКОВА

РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ.
ТЫ ПОДДЕЛАЛ МОЮ ПОДПИСЬ!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Ты
подделал мою подпись!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Ты подделал мою подпись! / А. Волкова —
«Автор», 2026

Пять лет я любила мужа и верила каждому его слову. Пока однажды не получила повестку по уголовному делу на пятьдесят миллионов.— Подпиши признание, Алина. Три года условно — и будешь свободна. Марк подделал мои подписи, заблокировал счета и пригрозил оставить родителей без квартиры. А его любовница уже готовится стать новой хозяйкой моей жизни. Но муж забыл одну деталь: я реставратор старинных документов. И умею замечать подделки, которые не видят эксперты. Теперь его заклятый враг Северьян Громов предлагает мне защиту. Вот только он сам опаснее моего мужа. Смогу ли я разоблачить предателя, не превратившись в игрушку нового хозяина?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амина Волкова

Развод с предателем. Ты подделал мою подпись!

Глава 1

Дождь заливал воротник. У двери я никак не попадала ключом в замочную скважину: хотелось скорее снять мокрые ботинки и услышать привычное «ужинать будешь?». Из кабинета не донеслось ни слова. В семь он обычно успевал открыть вино, раскладывал дела на столе; иногда занимал кухню и требовал признать его великим поваром. Я прошла мимо пустой плиты. На обеденном столе лежал конверт. Даже чашку для меня не оставил.

Конверт лежал посередине скатерти, на месте моей тарелки. Подцепив ногтем заклеенный край, я надорвала его; тонкая полоска бумаги прилипла к мокрому пальцу. Я ждала соглашения о разводе: последние месяцы мы обсуждали его всё тише, стараясь поскорее закрыть разговор. А из конверта вытянула повестку. «Уголовное дело по ст. 159 УК РФ». Мошенничество. Пятьдесят миллионов рублей. Соучастница — Ветрова Алина Сергеевна.

На слове «соучастница» я перестала читать. Моё имя; отчество тоже без ошибки. Сумму перепроверила по цифрам: никаких лишних нулей, пятьдесят миллионов. Надо позвонить Марку, он объяснит. Телефон не сразу узнал мокрый палец. Пока шли гудки, я смотрела на повестку и ждала, что он рассмеётся: Алин, там перепутали. Он ответил таким тоном, каким обычно просил секретаря переделать письмо. От этого мне стало страшнее, чем от статьи.

— Приезжай. Сейчас. Мой офис. Не задавай вопросов. — Марк, что это? — мой голос сорвался на хрип. — Ты шутишь? Это же подделка!

Он отключился. Я успела спросить «подделка?» и всё равно побежала по его приказу. Натянула пальто поверх домашнего, открыла приложение такси — никто не принимал заказ. Каршеринг требовал карту. До метро добралась пешком, то и дело проваливаясь тапочками в лужи. Только на станции посмотрела на ноги: даже не переобулась. Пять лет вместе, а теперь спешу к человеку, который, возможно, сделал меня обвиняемой. Убрала повестку глубже в сумку; мокрый угол не помещался и торчал наружу.

Офис Ветрова и Партнеров находился в деловом центре за старинным зданием с колоннами. Лифт поднялся на двенадцатый этаж. Двери раскрылись перед переговорной комнатой, где за длинным столом сидели двое мужчин. Молодой следователь СК разглядывал меня, не скрывая интереса; на подбородке воспалились прыщи. Рядом лысеющий адвокат Марка перекладывал листы, стуча краем пачки по столу. Для меня оставили свободный стул.

В дверях я замешкалась. Тапочки были мокрые, и на полу под ними остались два тёмных пятна; один из мужчин посмотрел на них, потом на меня. Хотелось спрятать ноги под стул. Секретарь закрыл дверь и повернул ключ. Я обернулась на щелчок. Зачем запирать переговорную, если мы просто разговариваем?

— Садитесь, гражданка Ветрова, — сказал следователь, даже не поднимая глаз от бумаг. — У нас есть подписанные вами накладные на фиктивные поставки оборудования для фирмы «Ланс Групп». Подписи сделаны идеально. Почерк, нажим, ошибки в буквах — всё ваше. Если вы признаете вину сейчас, срок будет условным. Если нет... прокурорские знакомые вашего мужа могут сделать так, что вы забудете вкус свободы навсегда.

Я положила руки на стол, чтобы перестать теревить сумку. Под яркой лампой ногти казались синими. До меня никак не доходило, почему эти двое говорят о моём сроке так буднично. «Ланс Групп»? Я даже названия не знала. Возразить не успела: секретарь снова повернул ключ.

Марк. У меня мелькнула глупая надежда: сейчас он скажет, что произошло недоразумение, выведет меня отсюда. Но он прошёл мимо моего стула. На его манжете не было ни капли дождя, галстук лежал без единой складки. Устроился напротив следователя, поправил край пиджака. Я осталась по другую сторону стола, в тапочках.

— Алина, сядь нормально, — произнес он ровным тоном. — Ты понимаешь ситуацию. Твои подписи там. Идеальные. Даже нажим твой воспроизвели. Ты признаешь, что знала о сделках прошлого года, и не лезешь в переводы. Получаешь три года условно и свою студию. Я её не трону. Остальное не обсуждается.

Пять лет я подписывала его «бумажки для студии». Теперь он предлагал мне срок взамен этой студии. Я смотрела на знакомое лицо и всё ждала хоть какого-то сбоя: моргнёт, замнётся, назовёт меня по-домашнему. Он только поправил папку, будто разговор уже пора заканчивать.

— Ты... ты монстр, — прошептала я.

Марк вздохнул, достал смартфон и развернул экран ко мне. Фотография. Мама стоит на пороге нашего дома в пригороде. Папа держится за голову. Подпись под фото: «Если ты не подпишешь протокол сегодня, завтра утром их квартира будет арестована по долгу. А долг ляжет на тебя. И на них. Ты хочешь, чтобы родители оказались на улице в шестьдесят лет?»

Мама на фотографии была в домашней кофте. Марк знал, где они живут, когда отец выходит за хлебом, как легко мама открывает знакомым. Я попыталась прочесть подпись ещё раз, но строчки разъехались. Он говорил об аресте квартиры — и показывал лица моих родителей. Мне не давали отделить одну угрозу от другой.

Я выбежала в коридор и пошла вниз по лестнице — ждать лифт рядом с ними не могла. На улице стала вытирать лицо рукавом, но дождь всё равно заливал глаза. Телефон в кармане вибрировал, показывая уведомление: «Карта заблокирована. Причина: подозрительная активность». Следующее сообщение: «Доступ к рабочему аккаунту удален». Я попробовала открыть почту ещё раз. Пароль больше не принимался. Картой я больше не могла расплатиться, а в рабочей почте остались заказы и телефоны клиентов. До них он тоже добрался.

У площади Восстания я всё-таки остановила такси. Назвала адрес, потом призналась, что карта не работает. Водитель выключил счётчик: «Девушка, мне тоже домой надо». Я вылезла под дождь, захлопнула дверь и стояла, пока красные огни не скрылись за автобусом. Мокрые тапочки уже натирали ступни. В сумке лежала бумага на пятьдесят миллионов, а на поездку через город денег не было.

Последняя надежда — Лена. Моя единственная подруга еще со времен университета. Я набрала её номер. Гудки. Потом щелчок. — Алин, не сейчас, — голос Лены был тихим, испуганным. — Марк звонил. Он сказал, что ты в розыске за мошенничество. Если я пущу тебя, у меня будут проблемы. Прости. Позвони адвокату. Или в полицию. Но ко мне нельзя. Лена отключилась. Я нажала на её имя снова и остановилась: ещё один отказ сейчас не вынесу. Надо искать другого человека, хоть я и не знала кого.

Марк однажды обозвал Северьяна Громова «мусорщиком». Мы ехали после ужина, и он минут десять возмущался юристом, который находил спрятанные при разводах деньги. Тогда я слушала вполуха. Теперь имя вспомнилось целиком, даже отчество захотелось узнать. Адреса у меня не было. Зато был преподаватель из Маяковки: он годами общался с юристами, приносившими в старый фонд документы. До библиотеки ещё можно было дойти.

Я добралась туда пешком, промокнув до костей, с документами в сумке. Преподаватель, старый седой мужчина, молча протянул мне визитку, написанную от руки на клочке бумаги. Адрес на Васильевском острове. Частное детективное агентство «Гром».

Глава 2

Здание было серым, неприметным, с бронированными окнами первого этажа. На звонок никто не ответил. Я постучала в массивную деревянную дверь. Открыл сам хозяин. Высокий, широкоплечий, в черной водолазке, которая подчеркивала мышцы шеи. Лицо резкое, с глубокими тенями под глазами и короткой щетиной. Во рту сигара, которую он держал губами, не зажигая.

Громов задержал взгляд на тапочках. Я сильнее стиснула ручку сумки. Мне уже объяснили, почему нельзя пустить меня в квартиру; теперь, наверное, объяснят, почему нельзя взять моё дело. Он придерживал дверь одной рукой и молчал. Жалкого рассказа про дождь и заблокированную карту я ему не дам. — Вы потерялись, барышня? — Мне нужен Северьян Громов, — мой голос дрожал, но я заставила себя поднять подбородок. — Марк Ветров. Развод. Уголовка. Поддельные подписи. Он усмехнулся. Холодно. — Заходите.

Кабинет был темным, пахло табаком и старой кожей. Громов не предложил сесть. Я выложила документы на стол. Он обошёл его и взял одну из моих копий, которые я успела сфотографировать в переговорной и распечатать в киоске на последние монеты. Он долго смотрел на строки. Тишина стала невыносимой.

— Сколько? — спросил он наконец. — Всё, что есть. Я не могу платить. Но я знаю схемы. Я реставрировала его старые архивы. Я знаю, где он прятал черновики первых фирм. — Архивы? — Громов повернулся к окну. Его отражение в стекле было мрачным силуэтом. — Ему было удобно оставлять вам бумагу, которую вы поймёте слишком поздно. И обещать защиту, пока вы подписываете. Он подошёл так близко, что край стола упёрся мне в бедро. Пахло дымом и древесным одеколоном. Телефон я прижимала к ладони; Громов перехватил её и стиснул пальцы. Не больно. Но убрать руку он мне не позволил. — Вы хотите жить, Алина? Или хотите плакать в подушку, пока ваш муж закрывает сделку всей жизни? — Хочу жить. — Тогда хватит ныть.

Громов забрал у меня копию накладной. Он достал лупу из ящика стола, склонился над бумагой. Он перестал отвечать мне, водил пальцем по строкам. У подписи задержался и ещё раз придвинул лупу. Я наклонилась, стараясь увидеть, на что он смотрит. — Странно, — пробормотал он себе под нос. Он взглянул поверх лупы. Похоже, эти буквы уже встречались ему; вопрос я задать не успела. — Завитки в названиях и форма цифры «8» в суммах. Это не почерк Марка. И не ваш. Подписи старательно имитировали, а строки заполнял другой человек. Он положил бумагу на стол и ударил по ней кулаком. — Это почерк Киры Ланской. Той самой женщины, которую Марк оформил директором своей новой «чистой» конторы.

Кира. Полгода Марк выходил с ней в свет, оставлял на виду их фотографии. Я ждала, когда он хотя бы перестанет делать вид, что ничего не происходит. — Она внедрена, — продолжил Громов, и я наклонилась ближе, чтобы расслышать. — Много лет назад. Чтобы уничтожить вашего мужа за грехи его отца. А вы... вы стали случайной жертвой этой войны. Ничего личного. Просто удобная фигура.

Сначала Кира, теперь отец Марка. Громов произносил имена, будто я обязана знать всех участников. Я потёрла переносицу; от этого буквы на бумаге не стали понятнее. Хотелось остановить его и спросить по очереди: кто внедрил, когда, зачем понадобилась я? Свою роль я пока понимала: на меня собирались списать пятьдесят миллионов.

Громов сел в свое кресло, закинув ногу на ногу. Он смотрел на меня так, как смотрят на оружие, которое только что нашли в грязи и решили очистить. — Ваш муж не спрашивал, что вы запоминаете, — сказал он низким, бархатным голосом, который вибрировал в воздухе кабинета. — Но вы держите в руках нож, который ему не хватит смелости взять. Потому что вы знаете его бухгалтерию лучше него самого.

Он придвинул ко мне папку с делом. — Мы начинаем завтра в шесть утра. И если ты хочешь жить, Алина, тебе нужно перестать плакать и начать считать чужие деньги.

Громов погасил верхний свет. Я осталась над раскрытой папкой под настольной лампой: уйти хотелось, а идти было некуда.

На следующий вечер Лиза открыла дверь, не снимая цепочки. После первого разговора с Громовым я вернулась домой за вещами; теперь чемодан стоял у моих ног. Дверь открылась сантиметров на семь. Я видела половину её лица и свет из коридора. В этой узкой полоске помещалась вся моя жизнь: чемодан, мокрое пальто, лицо, которое я умыла холодной водой перед выходом, чтобы не пугать её ещё и слезами.

— Алинка, — выдохнула она, и в этом слове было столько ужаса, что мне захотелось отступить назад, в лестничную клетку. — Ты... ты правда здесь?

— Мне некуда идти, Лиз. Совсем.

Лиза посмотрела вниз, на чемодан, и сразу за мою спину. Я тоже обернулась, хотя на площадке никого не было. После Марковых звонков даже моя подруга ждала от меня не беды, с которой можно помочь, а людей, от которых придётся прятаться. Я подтянула чемодан к ноге, чтобы колёса не мешали ей открыть дверь.

— Понимаешь, Денис сегодня звонил из конторы, — начала она, и голос у неё стал плоским, деловым, чужим. — У него проверка на работе. А тут... эти новости про твои пятьдесят миллионов. Если тебя хоть раз увидят у меня, он потеряет место. А у нас ипотека, Алинка. Мы не потянем адвоката для тебя, даже если бы хотели.

Я перестала держать чемодан. Ручка ушла вниз со щелчком. Лиза боялась потерять ипотечную квартиру; у меня сегодня не было даже прихожей, где можно разуться.

— Чай? — спросила она виновато.

— Нет, спасибо, — сказала я. Голос дрогнул, но я взяла себя в руки. — Просто проверила, есть ли у меня друзья. Оказывается, нет.

Чемодан перекосялся, когда я потянула его к лестнице. Одно колесо застряло в щербине; пришлось нагнуться и выдернуть. За спиной всё ещё стояла Лиза. Я ждала, что она окликнет: ладно, входи. Но цепочка звякнула, дверь прикрылась осторожно, без хлопка. Ей даже не пришлось повышать на меня голос.

Оператор подтвердил: карты заблокированы «по требованию следствия». Я пересчитала наличные из домашней заначки. На гостиницу не хватало, комнату ещё можно было найти. Чемодан пришлось поставить на мокрый тротуар, пока я искала адрес.

Я зашла в приложение аренды, где предлагали комнаты в коммуналках и частные квартиры у окраин. Выбрала вариант подешевле: хозяйка, женщина лет пятидесяти, фото профиля — улыбающаяся соседка по даче. Написала сообщение: «Срочно, одна ночь, заплачу сразу».

Ответ пришел через минуту. Адрес в Невском районе. Тихий двор, подъезд без домофона. Я поднялась на третий этаж, стуча каблуками по ступеням между облупившимися стенами. Пахло кошачьей мочой и сыростью старых полов.

Дверь приоткрыла та самая женщина. Сигарета торчала из угла рта, взгляд скользнул по моему лицу, затем на паспорт, который я протянула трясущейся рукой.

— Алина Ветрова? — прочитала она вслух, и тон изменился мгновенно. Из нейтрального в презрительный. — Та самая? Которая мужу фирму помогала грабить?

— Я не грабила, — начала я, но она уже махнула рукой.

— Иди отсюда, дорогая. У меня тут дети живут. Не хватало мне проблем с полицией.

Хозяйка закрыла дверь, не возвращая мне взгляд. Я убрала паспорт в сумку, потом достала проверить: вдруг оставила у неё? Проверила ещё раз. В темноте подъезда плохо было видно фотографию, но фамилию я различала. Ветрова. Стоило назвать её, и передо мной начи-

нали щёлкать замки. Я не знала, куда Марк успел разослать свою версию, и боялась уже следующего адреса.

На скамейке пальто сначала помогало. Потом ветер нашёл щель под воротником, и я стала подтягивать плечи, пока не заныла шея. Ноябрь, набережная, вода совсем рядом. Какая же я дура — могла хотя бы отойти от воды. Но ноги болели, чемодан тоже нужно было тащить. Я сунула пальцы в рукава и осталась сидеть, подсчитывая, сколько ещё часов до утра.

Где-то вдалеке гудели машины, вода била о гранитные берега. Я закрыла глаза, пытаюсь уснуть сидя, потому что лежать было нельзя — страх, что меня найдут, не давал расслабиться ни на секунду.

Свет фар ударил прямо в лицо. Я дернулась, инстинктивно прикрываясь ладонью.

— Документы, — грубый голос. Полицейский был молодой. Подсветил чемодан, мои ноги, лицо — наверное, решал, пьяная я или просто замёрзла.

— Сейчас, — пробормотала я, расстёгивая сумку. Паспорт застрял под повесткой; я никак не могла ухватить его за угол.

— Фамилия?

— Ветрова. Алина Сергеевна.

Фонарь скользнул по планшету и остановился. Полицейский читал молча, долго. Я ждала, что сейчас он уберёт планшет и попросит повернуться спиной. Как объяснить человеку на ночной смене, что подписи подделал муж? Он не станет слушать пять лет моей жизни. Марк наверняка рассчитывал на это — одна фамилия в базе, и меня увозят.

— Так, гражданка Ветрова, — начал он, и его рука легла на пояс с оружием.

В этот момент вибрировал телефон. Один звонок. Только один номер, который я сохранила вчера. Северьян Громов.

Я выхватила телефон. Полицейский ещё что-то говорил, но я уже прижала аппарат к уху.

— Да? — шепнула я.

— Если хочешь спать в тепле, а не в камере, — Громов говорил негромко, и мне пришлось прикрыть второе ухо от ветра, — приезжай. Сейчас. Адрес придёт смс.

Он повесил трубку. Полицейский вернул паспорт, велел не ночевать на скамейке и отошёл к машине. Я дождалась, пока погас свет его фонаря, и потянула чемодан к дороге. Тепло он обещал. Остальное узнаю, когда доеду.

Глава 3

В доходном доме на Васильевском лифт не работал. До четвёртого этажа я тащила чемодан, останавливаясь на каждой площадке. Колёса грохотали по ступеням; хорошо ещё, никто не вышел ругаться.

В вестибюле офиса Громова пахло кожей и сигарным дымом, хотя сигарет никто не курил. Секретарша — сухая женщина с очками на цепочке — даже не подняла головы от монитора.

— Пропуск есть?

— Я к Северьяну Аркадьевичу. Он сказал...

— Расписание строго по записи. Без пропуска вход воспрещен. Ждите в коридоре.

Я оставалась у стойки с чемоданом, пока секретарша печатала. С рукава капнуло на пол. Она посмотрела на каплю, но даже салфетку не предложила. Вчера здесь хватило трёх слов — развод, уголовного, подписи. Сегодня требовался пропуск. Я хотела сказать, что хозяин сам позвонил, но она уже вернулась к монитору.

Шаги за спиной были бесшумными.

— Ева, проводи гостью.

Вчера Громов был в водолазке. Сейчас на нём сидел тёмно-синий костюм, и я почему-то заметила именно это: я снова промокла, а он успел подготовиться к деловой встрече. Высокий, плечистый, бледный от ламп. Смотрел на мой рукав, на чемодан, на лицо. Мне хотелось потребовать: хватит осмотра, говорите, что со мной делать.

Он направился в кабинет, не спросив, хочу ли я согреться. Пришлось катить чемодан следом.

— Заходи. Закрой дверь.

Кабинет был огромным и пустым. Только стол, два стула и шкафы с архивами. Громов сел за стол, положил перед собой папку.

— Садись.

Я села. Стул скрипнул.

— Я невиновна, — сказала я, и это прозвучало так же слабо, как и в первый раз.

Громов молча перевернул страницу.

— Статья 159 часть 4, — прочитал он вслух, не поднимая глаз. — Соучастие в особо крупном размере. До десяти лет. Или штраф, который ты никогда не выплатишь.

— Подписи поддельные! Марк сделал это!

— Подписи могут быть любыми, Алина, — он наконец посмотрел на меня. Его взгляд был тяжелым, физически ощутимым. — Важно другое. В цепочке транзакций, которую создал твой муж, ты числишься директором офшорной компании. Ты получала дивиденды. Ты подписывала акты приема-передачи реставрационных работ, которые служили прикрытием для вывода денег. Ты знала.

— Я не знала! Я думала, это обычные заказы!

— Это не имеет значения для суда. Для суда важно то, что написано на бумагах. А на бумагах написано, что ты — соучастник.

Он откинулся на спинку кресла.

— Марк подготовил ловушку идеально. Он знал, что ты будешь защищать его репутацию, пока он готовит почву для ухода. Ты была его алиби, его прикрытием, его жертва. И ты все еще думаешь, что можешь доказать обратное сама?

Я сглотнула и услышала себя. Громов ждал ответа на свой вопрос, а я никак не могла отделаться от слова «дивиденды». Какие дивиденды? Заказы студии оплачивал бухгалтер, выписки

показывал Марк. В первый раз захотелось заново посмотреть на каждую такую выписку. Только доступа к ним у меня уже не было.

— Что вам нужно? — спросила я.

— Помощь, — сказал Громов. — Но не бесплатная.

— Я ничего не могу дать вам. Ни денег, ни...

— Платить нечем, я понял. Но ты можешь прочитать его архив.

Он наклонился вперед, и его тень упала на мои руки.

— Я возьму твое дело. Полностью. Обеспечу защиту, добьюсь прекращения уголовного преследования, верну тебе свободу. Но ты будешь работать, а не ждать, когда я всё принесу.

— Инструментом?

— Тебе придётся вернуться к нему. Он должен думать, что ты ищешь, где подписать признание, лишь бы не сесть. За это время выяснишь, какие архивы он оставил и кто ещё имеет доступ к серверу. И принесёшь документы, по которым он уже не отговорится разводом.

Я смотрела на него, не дыша.

— Это предательство.

— А он сейчас поступает верно? Алина, ты можешь беречь его дальше. Пока ты будешь ждать суда, он откроет вино на новой свадьбе. Мне нужен твой ответ.

Он включил диктофон. Щелкнула кнопка.

— Условия сотрудничества: полная конфиденциальность, выполнение всех моих инструкций без вопросов, запрет на самостоятельные действия вне согласованных рамок. Гонорар отработаешь. Архив, бумаги, имена. Пропадать без предупреждения не будешь.

Он дождался, пока я дослушаю условия. Я смотрела на диктофон: мои возражения записывать не собирались.

На большом пальце остался след от вчерашней бумаги. Этими руками я могла снять старый клей, не повредив печать, сшить рассыпающийся блок. А сейчас держала их на коленях и ждала, пока мужчина разрешит мне жить дальше. Марк использовал мои реставрационные акты. Громову понадобились мои знания. Вопрос был в том, смогу ли я получить что-то взамен, кроме нового приказа.

Я посмотрела на дверь, прикинула дорогу обратно. Скамейка, отказ хозяйки, Лизина цепочка — всё было снаружи. Внутри лежал договор, по которому мне предлагали опять слушаться мужчину. Я могла сказать «нет» и даже представляла, как это прозвучит. Но вслед за этим словом никакого плана не находилось. От холода ещё ломило пальцы.

— Где ручка? — спросила я.

Громов сдвинул уголок рта. Он получил ответ, которого добивался, и больше не стал объяснять мои перспективы. Открыл ящик. Я смотрела на ручку в его пальцах и думала, сколько людей садилось в это кресло с тем же вопросом.

Он протянул мне серебряную перьевую ручку. Тяжелую, холодную.

При подписи перо зацепилось за волокно. Захотелось поправить штрих, но я остановилась: и так сойдёт. Вчера мне показывали чужую подпись и называли её моей. Сегодня я поставила настоящую — под обещанием исполнять указания Громова. Пока это было единственное, что отделяло меня от ещё одной ночи на улице.

Рассвет над Невой был серым и мокрым. Я вышла из здания, и холодный ветер ударил в лицо, стирая остатки сна и страха. Я провела языком по пересохшей губе. Договор остался у Громова, а копию мне ещё предстояло попросить.

На пороге, прислонившись к колонне, стояла девушка. Молодая, красивая, в дорогом бежевом пальто. Она курила тонкую сигарету, выпуская дым вверх, в низкое небо.

Кира Ланская. Будущая жена Марка, если он добьётся развода. Та, кого я видела на фотографиях, которые он демонстративно оставил на столе вместе с документами о разводе.

Она увидела меня и выбросила окурок в урну. Подошла ближе. Кира выглядела выпавшейся. Даже уголки рта уже приподнялись, пока я ещё думала, как поздороваться.

— Алина? — позвала она сладко.

Я напряглась, ожидая удара. Оскорбления. Злорадной насмешки.

— Привет, Кира.

Она протянула белый пакет с золотой лентой. От духов першило в горле; я придержала чемодан ногой, освобождая руку.

— Муж сказал, что ты должна выглядеть достойно, когда будешь просить прощения, — мурлыкала она, и в ее голосе не было злобы. Была жалость. Милостыня.

Я взяла пакет. Внутри было платье. Дорогое, шелковое, черного цвета. И приглашение. На благотворительный ужин, который устраивал Марк.

— Надень, — сказала Кира. — И запомни: мы все ошибаемся.

Она повернулась и пошла к своей машине. Я посмотрела ей вслед. Даже пакет она выбрала так, чтобы я чувствовала себя получательницей милостыни.

Я осталась стоять на тротуаре, сжимая пакет. Внутри, под складками шелка, лежала маленькая сложенная записка. Я развернула ее. Почерк Громова был угловатым и резким.

«Это не подарок. Это броня. Надень. И запомни: Кира знает больше, чем говорит. Она — твой первый ключ».

В витрине пакет с платьем выглядел наряднее меня. Я спрятала записку глубже между складками шёлка. Кира принесла чужое приглашение, а внутри оказался почерк Громова — значит, они разговаривали об этом до моего прихода. Меня переоденут, приведут на ужин, скажут, где стоять. Но теперь хотя бы я знала, что наряд выбрали не из жалости.

За дверью остался человек, который обещал защиту. Впереди — женщина, которая называла Марка мужем у меня на глазах. Я стиснула пакет под мышкой. Хорошо, платье надено. Только сначала прочту приглашение и узнаю, куда они собираются меня привести.

Я потянула чемодан с порога. В колёсах хлюпала вода, пакет бил по ноге. Условий Громова я ещё толком не понимала, зато свою подпись уже оставила. Дверь за спиной закрылась; возвращаться и требовать объяснений сейчас было поздно.

Глава 4

Помощник Громова стоял над столом, не снимая пальто. Под глазами серело, оправу очков он поправил только раз. Папка с дополнительным соглашением к вчерашнему контракту оказалась толще, чем я ожидала. Я пролистала её до подписей, вернулась к первой странице: передача активов, запрет разглашения, решения от моего имени без согласования. Вчера была работа за защиту. Сегодня меня собирались ещё и лишить права возражать. Помощник терпеливо ждал у края стола.

— Подпишите, — сказал он монотонно. — Северьян Аркадьевич ждет.

Я посмотрела ему прямо в лицо, где за стеклами очков пряталась скука. Пальцы сжали край документа так, что бумага хрустнула.

— Я не подписываю чистые листы перед палачами, — мой голос дрогнул, но я заставила его звучать тверже. — И я не вещь, которую можно оформить по акту приема-передачи. Скажите своему боссу: я приду только к нему. Лично. Или вы можете забрать этот мусор и уходить.

Он моргнул, поднял брови и посмотрел мне в лицо. Помощник забрал смятую мною страницу и, ничего не сказав, вышел. Дверь закрылась с тихим щелчком. В кабинете стало тихо; запах его парфюма ещё держался у двери. Руки тряслись. Помощник ушёл с неподписанными бумагами, и впервые за эти дни мой отказ хоть что-то изменил.

Клуб «Гнездо» находился в подвале старого доходного дома на Мойке. Вход охранял здоровенный охранник, который даже не спросил документов, просто кивнул на лифт. Внутри было темно, тихо и дорого. Тяжелый бархат обивки диванов, запах сигарет с ароматизатором и виски.

Северьян Громов сидел в дальней нише, окруженный двумя мужчинами в деловых костюмах. Они смеялись над какой-то шуткой, чокаясь бокалами. Я прошла мимо их стола, стараясь дышать ровно. Он заметил меня и продолжил разговор. Я прождала двадцать минут, всё время собираясь подойти: нельзя же перебивать клиентов. А он прекрасно знал, что я топчусь возле стола.

В конце концов я села за соседний столик и заказала кофе. Двадцать минут на ногах — достаточно. Громов держал бокал за ножку, слушал собеседника, чуть отвернув голову. Тот смеялся, а Северьян продолжал сжимать челюсть. Я стала следить, кому он отвечает и кому позволяет говорить. Кофе принесут мне, значит, официант хотя бы заметит, если меня так и оставят ждать.

Громов поднял глаза. Я уже смотрела на него и теперь не стала отводить взгляд: для чего тогда приходила? Он ещё несколько секунд держал бокал неподвижно, потом поставил на стол. Смеющийся мужчина не сразу заметил, что его больше не слушают.

Громов извинился перед клиентами и подошел ко мне. Лампа осталась за его плечом. Я подняла голову, чтобы видеть лицо. Громов наклонился, и знакомый сандаловый запах оказался совсем близко.

— Ты слишком тихая для человека, которого обвиняют в мошенничестве, — произнес он низким грудным голосом. — Либо ты гений самоконтроля, либо трус, который надеется, что его не заметят. Что же из этого?

— Я реставратор, — ответила я, глядя ему в переносицу, боясь опуститься ниже, чтобы не увидеть презрения. — Мы работаем с хрупким материалом. Шум убивает. Тишина спасает.

Он усмехнулся. Коротко, сухо. Сел напротив, не спрашивая разрешения.

— Марк хочет, чтобы ты села. Ему нужны твои подписи для фиктивных сделок, которые он оформил через твою фирму. Если ты признаешь вину сейчас, срок будет условным. Если

нет — десять лет колонии общего режима. У меня есть план, как перевернуть игру. Но цена высока.

— Какая?

— Ты станешь приманкой. Для Киры Ланской.

Кира. Я вспомнила её пакет и то, как она назвала Марка мужем. Хотелось сказать, что с меня хватит разговоров об этой женщине. Вместо этого я пододвинула чашку: пусть Громов объясняет, раз уж заставил ждать.

— Ты уже назвал Киру своей внедрённой помощницей, — напомнила я. — Зачем ей ещё и приманка?

Громов подержал ладонь возле моей чашки. Я ждала ответа; он явно выбирал, сколько мне сказать.

— Юридические формальности, Алина. В ответ я дам тебе то, что можно предъявить следствию. Но сначала выполни поручение. Найди в архиве фирмы Марка старый договор пятилетней давности. Там имя моего отца. Это ключ к систематичности преступлений Ветрова.

Он протянул визитку с адресом офиса.

— Завтра ночью. Код от сейфа — дата рождения твоей собаки. Той, которую он отдал соседям перед вашим разрывом.

К следующей ночи дождь стал мельче, противнее. У входа в офис Марка я достала старые ключи, перебрала их возле домофона. Если замки сменили, всё кончится ещё до лифта. Но дверь щёлкнула. Он не забрал связку: видимо, считал, что после переговорной я больше не сунусь сюда. Я задержала дверь локтем и вошла, не включая свет.

На последнем этаже было тихо. Аварийные лампы позволяли различить двери, но цифры на них приходилось читать вблизи. От вентиляции пахло полиролью — я столько раз ждала здесь Марка после работы. Тогда могла позвонить ему из коридора. Сейчас убрала телефон глубже в карман и прислушалась, прежде чем повернуть к кабинету.

Кабинет Марка был заперт, но я знала запасной вход через серверную, куда меня однажды пускали принести кофе. Вошла боком, прижалась к стене и прислушалась. Двигаться дальше можно было, только если никто не слышал дверь.

Сейф стоял за картиной с видом на Эрмитаж. Я набрала код: 12.05.2014. День рождения Чарли, нашего лабрадора, которого Марк отдал соседям со словами «надоела шерсть». Щелчок. Дверца открылась.

Внутри не было папок с договорами. Только один файл. И фотография.

Я схватила снимок. На нем Северьян Громов и Кира Ланская сидели в том самом клубе «Гнездо». Она смеялась, кладя руку ему на плечо. Дата на обороте: три месяца назад. До того, как я узнала о разводе. Уже тогда они встречались за моей спиной.

Шорох донёсся из коридора. Потом шаги — подошвы с коротким скрипом, который я помнила. Я перестала разглядывать снимок. Рамка сейфа больно упёрлась в локоть, пока я собирала файл и фотографию.

Файл не помещался в сумку, угол фотографии загнулся. Я запихнула их как попало и бросилась к выходу, но услышала поворот ручки. У самой стены была кладовая. Проскользнув туда, я присела между ведром и швабрами и придержала дверь, чтобы не стукнула. Хлорка щипала нос; я зажала рот рукавом, лишь бы не закашляться.

Шаги вошли в кабинет. Голос Марка, спокойный, расслабленный.

— ...все чисто, Северьян. Она повелась. Нашла фото? Нет, там только приманка. Договор лежит в другом сейфе, который она не откроет. Ты уверен, что она не сдастся раньше?

Пауза. Голос Громова из динамика телефона, искажённый, но узнаваемый до боли.

— Она запоминает, Марк. Больше, чем тебе хотелось бы. Пока её можно заставить делать нужное страхом. Жди звонка от полиции. Я вызвал их на «нарушение порядка» в твоём районе. Пока они разбираются с тобой, мы заберем активы.

Связь оборвалась, в коридоре хлопнула дверь. Я перестала прижимать рукав ко рту. Громов только что говорил с Марком так, будто мой ночной поход они устроили вдвоём. Я вспоминала его обещание защитить меня, а слышала другое: «Она повелась». Включённый диктофон надо было сохранить любой ценой.

Дверь кладовой распахнулась. Свет залил помещение. Марк стоял на пороге, с той улыбкой, после которой мне обычно предлагалось извиниться. За его спиной маячила темная фигура в плаще.

— Привет, Алинка, — мягко сказал муж. — Ты плохо прячешься. Как всегда.

Он шагнул внутрь, и я увидела Громова. Громов посмотрел на сумку, потом на мой телефон. Защитить меня он пока не попытался.

— Она твоя ошибка, Марк, — произнес Северьян. — Ты оставил ей ключи и бумаги. Теперь удивляешься, что она ими пользуется.

Марк хмыкнул, беря меня за подбородок. Пальцы были холодными.

— Признание, Алина? Прямо сейчас. Перед свидетелями. Иначе арестуют здесь же. По статье о незаконном проникновении и краже документов. Тебе пять лет, если не меньше.

Я выдернула телефон из кармана. Экран светился зелёным индикатором записи: диктофон я включила, едва услышала шаги.

— Уже записано, — мой голос сорвался на шепот. — Ваш разговор. О сговоре. О том, как вы использовали меня.

Марк рассмеялся и посмотрел на мой телефон. Я отодвинула его к груди. За один вечер он уже объяснил, что значит моя подпись, теперь собирался объяснить, что значит запись его собственного голоса. Ему не требовалось даже прослушивать её.

— Запись без контекста стоит ноль, жена. А твои отпечатки на документах — золото. Громов, сделай красиво.

— Ты взяла то, что лежало на виду, — Громов подошел ближе, игнорируя Марка. Он смотрел только на меня. — Фотография была проверочной. Ты не нашла договор, потому что искала не там. И теперь ты видела то, чего не должна была видеть.

Он достал из кармана конверт. Положил его на пол рядом с моим коленом.

— Здесь документы на проезд. Адрес прочтёшь потом, Алина. На время тебе придётся исчезнуть. И если хочешь жить, научись слушать меня, а не свой страх.

Марк схватил меня за руку, пытаясь поднять, но Громов жестом остановил его.

— Полиция уже внизу. У тебя две минуты, пока они поднимаются. Беги. Или оставайся и объясняйся с ними. Выбор за тобой.

Он вышел. Марк всё ещё улыбался, но отпустил мою руку; я подхватила конверт и рванула к серверной. Спускалась по лестнице, прижимая сумку к боку, и слышала снизу чужие голоса. До Карелии я так и не доехала: к утру Громов вызвал меня обратно.

Глава 5

Листы под моими пальцами пахли дешёвым канцелярским клеем. Я уже трижды переписала одну фамилию: никак не могла разобрать её на копии. Я сидела в кабинете Северьяна Громова, где вместо книг стояли сейфы, и переписывала от руки список клиентов Марка за последние пять лет. Пальцы сводило судорогой, кожа на кончиках пальцев горела, но я не могла остановиться. От собственного почерка на этих листах уже тошнило. Я реставратор, а здесь мне снова предлагали ручную копию чужих записей. Зачем именно ручную?

— Хватит, — я откашлялась, но дрожь всё равно услышала. Я отбросила перо. — Я не буду лгать. Я не соучастница твоего плана, Громов.

Северьян даже не поднял глаз от монитора. Он дочитал строку на экране. Затем открыл верхний ящик стола и достал фотографию. На ней была моя мать. Она сидела в кресле-каталке у окна дома престарелых «Белый лебедь», в котором она проходила восстановление. Мама смотрела в окно. Я давно не видела её с этого угла и стала искать на снимке привычную вазу с цветами.

Громов положил снимок передо мной. Край снимка зацепился за мой рукав. — За твою честность расплачиваться ей, Алина, — сказал он тихо, без интонации, просто констатируя факт. — Допиши список. Иначе утром я начну разговор не с него, а с твоего задержания. Ей сообщат прежде, чем ты доберёшься до адвоката.

Я закрыла снимок ладонью. Он видел, что я боюсь за маму, и всё равно оставил фотографию рядом со списком. Хорошо. Перепишу. Только буду знать, какие строки он просит и что собирается с ними делать. Я подвинула лампу поближе; руки ещё дрожали, зато на копии наконец разобрала фамилию.

Перо снова пошло по бумаге. Я стала писать медленнее, проверяя каждый номер рядом с фамилией. Громов получил послушание, но своих вопросов я не отменила. На отдельном клочке пометила то, что хотела проверить сама, и прикрыла его предплечьем.

К Кире я пришла под вечер. Ветер загонял дождь под капюшон, пока я искала вход в её дом на Васильевском. В стеклянных фасадах отражались окна других корпусов; с первого раза даже дверь не нашла. У домофона пришлось вытереть пальцы о куртку — мокрым нажатием кнопки не срабатывала.

Кира открыла сама. Волосы уложены, на губах помада. Сначала посмотрела на мои ботинки, потом на куртку; поздороваться не торопилась. Я проверила, не оставила ли грязь на коврике. — Алина? — протянула она с едва заметной усмешкой. — Марк говорил, ты можешь быть полезна. Проходи. Только обувь оставляй в коридоре. Там чисто.

Я стянула ботинки и оставила их возле порога. На холодном полу хотелось встать на носки, но я удержалась: Кира следила за каждым движением. От её духов першило в горле. Она устроилась в глубоком кресле, закинула ногу на ногу, а я осталась стоять в своих тонких носках. — Зачем ты пришла? — спросила она, доставая сигарету. Зажигалка щёлкнула. — Чтобы умолять о пощаде? Или чтобы понять, почему твой муж предпочёл меня тебе?

— Мне нужна информация, — ответила я ровно, игнорируя её провокацию. — О семейном альбоме Марка. Старые письма. Я хочу восстановить их для коллекции. Для себя.

Кира рассмеялась. Смех был сухим, нервным. — Тебе было больно, Алина? Или просто скучно? Ты ведь долго жила с ним. Он кричал, ты уступала, и обоим казалось, что всё удобно. Почему ты вдруг решила, что теперь он изменится?

— Покажи мне письма, — повторила я, глядя ей прямо в глаза. Я улыбалась, хотя сводило уголки рта. — Или мы устроим эту встречу официально, через адвокатов. И тогда станет известно, кто именно подписывал фиктивные договоры на твою фирму.

Кира перестала улыбаться. Встала и пошла к шкафу; я двинулась следом, стараясь не задеть коленом кресло. На разговор через адвокатов она пока не соглашалась. На полке среди дизайнерских безделушек лежала стопка старых конвертов. Но мой взгляд упал на другое: на краю стола, придавленный стеклянной пепельницей, виднелся уголок документа с гербовой печатью.

— Вот, — Кира бросила на диван связку писем, перевязанных лентами. — Здесь ничего интересного. Чувства, которые давно умерли.

Пока она искала зажигалку, чтобы прикурить вторую сигарету, я сделала вид, что разбираю ленты. Мои пальцы скользнули по столу, касаясь бумаги. Не завещания. Черновика. Я успела прочесть названия фондов и задержалась на знакомой фамилии. Фонд «Гром-Капитал». Управляющий — Северьян Громов. Получатель — Кира Ланская. Все активы Марка уходили не ему, не мне, а в структуру Громова.

Фамилию Громова я прочла дважды. В его фонд, получателем — Кире. Значит, Марк собирался вывести деньги именно так, под видом спокойного развода. Мне говорили искать его махинации, а эта бумага связывала и моего защитника с будущим получателем. Я повторила номер страницы про себя. Кира щёлкнула зажигалкой, и пришлось опустить глаза к письмам.

В офисе Громова мне никто не попался до самого кабинета. Он сидел за своим огромным столом, листая какие-то папки. Когда я положила перед ним переписанный список, он даже не посмотрел на него. — Где остальное? — спросил он, не поднимая головы.

— Что именно? — я постаралась говорить равнодушно.

— Ты была у Кире три часа. Список занимает двадцать минут работы. Что ты узнала?

Я достала сложенный листок с названиями фондов, суммами и датами. Громов дочитал и поднял глаза. Теперь он смотрел на меня, а не на принесённый список.

— Это я просил переписать? — произнес он тихо. — Я просил список. Ты притащила доказательства того, что Марк готовит «чистый» развод через третью сторону, и эта третья сторона — я. Ты понимаешь, что это значит? Это нарушение правил игры. Я могу расторгнуть контракт и сдать тебя Марку за попытку шантажа.

— Идти к Марку вам невыгодно, — ответила я, впервые повышая голос. Страх отступил, уступив место расчету. — Потому что если Марк узнает, что Кира работает на вас, он уничтожит нас обоих. Эта информация — единственное, что делает меня полезной. Без неё мы оба трупы. Вы хотите мести, Громов? Тогда примите мой дар. Или я уйду и стану свидетельницей обвинения против вас же.

Листок лежал между нами. Громов смотрел то на него, то на меня. Хотелось отступить: сказать, что неправильно прочла название, перепутала получателя. Я уже упёрлась пятками в ножку стула, чтобы этого не сделать. Если он заберёт листок и откажется говорить, я всё равно запомнила номер. — Хорошо, — сказал он наконец, убирая листок в сейф. — Ты доказала свою ценность. Но помни: игра становится опаснее.

Ночная квартира, которую предоставил Громов, была старой коммуналкой в центре. Высокие потолки, лепнина, облупившаяся краска и запах сырости. Окна выходили в темный двор, где гуляли тени фонарей. Мой телефон лежал у Громова на проверке. На эту ночь связь с внешним миром была только через его курьера.

В комнате я легла, но сразу снова села. В коридоре скрипела половица. Через несколько секунд ещё раз, чуть дальше. Я ждала следующего скрипа и не могла заставить себя лечь спиной к двери. Связаться с кем-нибудь было нечем. Пришлось сидеть на кровати в куртке, пока шаги не стихли.

Рано утром, когда первые лучи солнца лишь намечали горизонт, я услышала тихий шелест под дверью. Сердце пропустило удар. Я подошла к двери, боясь дышать. На полу лежал белый конверт. Без надписей. Внутри — фотография.

На ней я спала в своей старой квартире с Марком. Светлая, уютная, безопасная жизнь. Дата на обороте: позавчера. Но позавчера я уже была у Громова. Кто-то поставил на старом снимке новую дату. Подпись внизу, написанная маркером: «Я знаю, где ты. Жди».

Марк прислал? Или Громов подбросил очередную проверку? Я перевернула фотографию, посмотрела на дверь. Конверт лежал уже в комнате: кто-то подошёл к самому порогу. За бумажкой с угрозой не нужно было выходить на улицу, меня нашли и здесь.

Утро началось с стука в дверь. Громов вошел, не дожидаясь ответа. Он уже переоделся. Я ещё сидела на кровати, так и не выбравшись из вчерашней куртки. — Вставай, — бросил он сухо. — У нас встреча. Бухгалтер Марка, тот самый, который вел черную кассу. Согласился говорить.

— Нет, — я отшатнулась назад. — Я не пойду. Они могут убить меня. Или арестовать. Ты знаешь! Ты видел фото!

— Я вижу только истерику, — Громов сделал шаг ближе. Его руки были сильными, уверенными. Он достал из кармана тонкую золотую цепочку. На конце висел крошечный, почти незаметный микрофон. — Надень это.

— Я отказываюсь...

— Если тебя тронут, этот звук будет последним, что услышит твой адвокат. Иди. Или оставайся здесь и жди ареста. Выбор за тобой, Алина.

Он держал цепочку на ладони и ждал. Я взяла цепочку, мои пальцы дрожали, когда я защелкивала замок на шее. Микрофон лёг под ворот. Я проверила, не видно ли его снаружи.

Глава 6

Кафе «Нева» находилось в тихом переулке. Интерьер был выдержан в стиле петербургского модерн: тяжелые бархатные шторы, зеркала в бронзовых рамах, запах кофе и сигаретного дыма. Бухгалтер Марка, Игорь Соловьев, сидел в дальнем углу, нервно крутя в руках стакан с водой. Увидев меня, он вскочил.

Когда я подошла, он побледнел. — Алина? — его голос сорвался. — Вы не должны были... Марк убьет меня, если узнает...

— Сядьте, Игорь, — сказала я спокойно, занимая место напротив. — Вам хуже, если вы будете стоять и привлекать внимание.

Он сел, но руки продолжали трястись. — Я не могу вам ничего дать. Это конец.

— Вы дадите, — я наклонилась вперед, понизив голос до шепота. — Потому что вы знаете схему лучше всех. Транш от 14 октября. Два миллиона евро. Через офшор на Кипре. Код доступа к серверу: дата рождения вашей дочери, которую вы назвали в честь покойной жены. Верно?

Игорь устался на меня. Я знала дату транша: Марк оставлял эти отчёты дома вместе с моими актами. Пароль запомнился иначе — в бухгалтерии однажды при мне обсуждали, что Игорь опять поставил дату рождения дочери. Тогда все посмеялись. Сейчас мне хватило сказать цифры, и он перестал делать вид, что ничего не может дать. — Как... откуда...

— Я знала вашу работу лучше, чем сам Марк, — продолжила я, глядя ему в душу. — Просто молчала, чтобы сохранить спокойствие. Теперь спокойствия нет. Есть правда. И у вас есть выбор: отдать мне копии транзакций или стать главным обвиняемым, когда следствие доберется до этих цифр.

Игорь долго молчал. Пот выступил у него на лбу. Затем, дрожащими руками, он полез во внутренний карман пиджака. Достал маленькую флешку. Положил её на стол между нами. — Забирайте, — прошептал он. — Но берегитесь, Алина.

— Почему?

— Он не один, — Игорь схватил меня за руку, его пальцы были ледяными. — Громов тоже знает про вас больше, чем говорит. И он не любит, когда инструменты ломаются.

Лампы мигнули, на секунду оставив нас в темноте. Игорь отпустил мою руку. Когда свет вернулся, я подняла голову и увидела в зеркале человека в плаще. Он стоял позади меня, между столиками, и не отводил взгляда. Я успела прижать флешку ладонью к столу. Бежать было некуда: до выхода пришлось бы пройти мимо него.

Телефон мне вернули утром, поэтому у Лены я хотя бы не чувствовала себя отрезанной от всех. До двух ночи перебирала бухгалтерию Марка на её столе, потом собрала бумаги: подруга разрешила поработать, но остаться на ночь не предложила. В подъезде пахло свежей краской. Я старалась не задеть стены сумкой, пока спускалась в промокших кроссовках. На третьем этаже навстречу вышел мужчина.

Мужчина в потертом пальто шагнул мне навстречу так, будто это был коридор метро в час пик. Его плечо врезалось в мою грудь с неожиданной силой. Воздух вышибло из легких, колени подогнулись, я рухнула на холодный кафель, больно ударившись ладонями. Второй тип, стоявший чуть поодаль, наклонился к моему лицу. От него несло сигаретным дымом и перегаром. — Марк передаёт привет, — прошепел он прямо в ухо. — Скажи ему спасибо за урок вежливости.

Я приподнялась на локте. Лицо второго я могла рассмотреть вблизи; первый уже стоял у лестницы. Адрес Лены, время моего выхода — откуда они знали? Я ведь пришла сюда всего на несколько часов. Хотелось позвать подругу, но грудь после удара не давала вдохнуть.

Дверь квартиры Лены открылась резко, скрипнув петлями. Подруга выглянула, увидев меня на полу и этих двоих, и её лицо исказилось от паники. — Ал! Ты привезла сюда войну! — крикнула она, схватив меня за рукав куртки. — У меня дети, ты понимаешь? Если они узнают... Она не дослушала. Дверь захлопнулась перед моим носом с глухим стуком, отсекая единственную ниточку безопасности. Я осталась одна в темном подъезде, слыша удаляющиеся шаги своих мучителей. За дверью Лена шептала что-то детям. Я поднялась, держась за перила: просить её снова уже не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.